

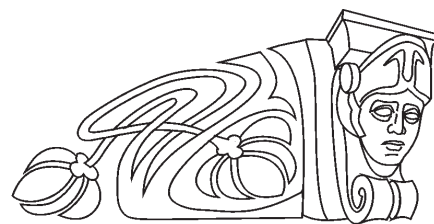
Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 331–335
Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 331–335
<https://bonjour.sgu.ru>

<https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-331-335>

Научная статья
УДК 821.161.1.09-31-87+929Газданов

Эйдологический комплекс «Сон о Клэр» в прозе Гайто Газданова

Е. Е. Иванов

Иркутский государственный университет, Россия, 664003, г. Иркутск, ул. Карла Маркса, д. 1

Иванов Евгений Евгеньевич, аспирант кафедры филологии и методики, ayaom@list, <https://orcid.org/0000-0002-9937-4357>

Аннотация. В статье первый роман Гайто Газданова рассматривается как программное произведение, а его завершающие слова предстают эйдологической установкой, реализованной в последующих романах. Романное творчество анализируется в контексте всей прозы писателя. Эйдологический комплекс «Сон о Клэр» преобразуется в телеологию метароманного цикла автора.

Ключевые слова: эйдос, метаповествование, нирвана, «иное», «самость», цикл, доминанта

Для цитирования: Иванов Е. Е. Эйдологический комплекс «Сон о Клэр» в прозе Гайто Газданова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Филология. Журналистика. 2021. Т. 21, вып. 3. С. 331–335. <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-331-335>
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

Article

Eidological complex “Dream of Clair” in prose by Gaito Gazdanov

E. E. Ivanov

Irkutsk State University, 1 Karl Marx St., Irkutsk 664003, Russia

Evgeniy E. Ivanov, ayaom@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9937-4357>

Abstract. This article first novel Gaito Gazdanov regarded as a software product, and his final words appear eydologicheskoy installation implemented in subsequent novels. Romantic creativity is analyzed in the context of the prose of the writer. The eidological complex “Dream of Claire” is transformed into the teleology of the author’s metaromaniac cycle.

Keywords: eidos, metanartelling, nirvana, “other”, “self”, cycle, dominant

For citation: Ivanov E. E. Eidological complex “Dream of Claire” in prose by Gaito Gazdanov. *Izvestiya of Saratov University. Philology. Journalism*, 2021, vol. 21, iss. 3, pp. 331–335 (in Russian). <https://doi.org/10.18500/1817-7115-2021-21-3-331-335>

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International License (CC-BY 4.0)

Изучение прозы Г. Газданова как единый конструкт предпринималось разными учёными. Историко-литературный «комментарий» как метатекст¹ данного автора сделан в исследовании Э. Александровой. Полигенетическая природа газдановского интертекста рассмотрена С. Кибальником². Анализ «романного опуса» Г. Газданова как «крупной циклической формы» проделан Е. Проскуриной³. Попытка выявления целостной картины художественного мира писателя в эйдологическом аспекте осуществляется впервые.

В диссертационном исследовании О. Юрьевой «Художественная эманация идей и образов Ф. М. Достоевского в русской литературе начала XX века»⁴ говорится об «эйдологических комплексах» как мыслеобразах, сопутствующих основной идее и образующих с ней единый смысловой комплекс. Речь идёт о ведущей

идее и её контекстуальном окружении «как высшей мыслительной абстракции, явленной в ее материальной эманации, то есть как синтез материальной и нематериальной субстанции, когда, по замечанию А. Ф. Лосева, “инобытийность дана как эйдос”. Этим “цельным словом” и является идея, то есть – имя идеи, запечатленное в Слове»⁵. Эйдологический комплекс «Сон о Клэр» рассматривается нами как целостность, образованная двумя эйдотическими элементами. Словосочетание «Сон о Клэр» в сильной позиции текста – концовки романа – возвращает к заглавию подобно «герменевтическому кругу», а неожиданная смена грамматического прошедшего времени, отличающего повествование в целом, на настоящее («сбивающийся сон о Клэр») актуализирует конец дебютного текста как спиралевидное начало «киного». Энигматичность «Вечера у Клэр» предстаёт приглашением

к путешествию на новый уровень развития художественной философии автора, в которой «произведение выступает эйдологическим воплощением Высшего разума»⁶.

У Ф. Достоевский в «Дневнике писателя» читаем о том, что невидимый мир, окружающий человека, наполнен «идеями», которые «живут и распространяются по законам, слишком трудно для нас уловимым»⁷. Далее акцентируется мысль о гармонии идеального мира («непрерывно по законам»). При этом подчёркивается, что «уловимость» этих принципов миропорядка недостижима рационально-материалистическим путём, а только интуитивно-духовным. У каждого большого писателя свои принципы построения образной системы, способы восприятия и воспроизведения идей в эйдологических формах. В поэтике Г. Газданова просматривается последовательность изображения идей на метауровне, которая обнаруживается уже в эпиграфе к первому роману, взятому из письма Татьяны («Евгений Онегин» А. Пушкина). Символически сжатая до размеров «свиданья верного» «жизнь» – «залог» создаёт универсальный образ цикла, который на макроуровне проецирует представление о тексте (письма близкой образу автора героини) в виде онтологической интуиции, которая вклеп с финальными строчками романа «Вечер у Клар» погружает читателя в художественный мир всего творчества писателя.

Иностранное слово «Клар» предстаёт «именем идеи». Его перевод на русский – «прозрачность, свет», консолидируемый с эзотерическими подтекстами, приводит к обозначенным в последних романах писателя представлениям о нирване как высшей цели существования. «При этом “эзотерический” не обязательно означает “тайный”. Это же слово может иметь значение “странный”; оно часто употребляется как синоним “гнозиса”, то есть знания того, что невозможно выразить словами»⁸.

Поиск «душевной гармонии»⁹ определяет стержневой принцип эволюции героя в его стремлении уравновесить внутреннюю раздвоенность, обрести «самость» в обезличенном мире, достичь нирваны-пробуждения от сна автоматического существования и стать независимым от эгоистической привязанности к «тьме вещей», ошибочно принимаемой за реальность. Онейросфера субституирует вненаходимое творческое начало автора, а имя «Клар» как «имя идеи» постулирует масонский «коридор света», «просвечивающий» сплошной транс повседневности.

В своем фундаментальном исследовании А. Хензен-Лёве пишет: «Как и все мифопоэтические символы, “прозрачность” означает как метафизическое качество просвечивания, пронцаемости визионерского или имагинативного видения, так и свойство феноменов представлять в этом аспекте (*sub specie aeternitatis*) преобразенными, т. е. “очевидными” как символы некоего

“мира иного”»¹⁰. Оказываясь в паре со словом «вечер» в названии первого романа и в связке со словом «сон» в его завершении, тавтологический индекс «Клар» определяет пресуппозицию всей метанаррации. «Вечер» мыслится как «затухание» жизнедеятельности, также переводится и понятие «нирвана», при которой взамен суетного способа существования проявляется внутренний свет, метафизическая оптика. Парадоксальный универсум, стоящий за этой герменевтикой, – «смерть есть жизнь» (и наоборот), а также «жизнь есть сон», а «смерть-пробуждение» в последних романах писателя манифестируют остранённость как модус творческой деятельности («Эвелина и её друзья»), так и в просветлённой жизни «среднего француза», т. е. любого человека в текущем «здесь и сейчас» («Пробуждение»). «Сон у Г. Газданова релятивизируется до полярных смыслов: гибельная ловушка гипнотического автоматического существования и горизонт культуры как креативный мир грез. Крипосемантика этого понятия выявляется в контексте художественной философии автора»¹¹. Созерцательная вненаходимость нирваны оказывается высшей степенью «участного мышления»¹² творца, а в случае с Пьером, который исцеляет душевнобольную, мы видим «нирвану бесполезных чувств, но не поступков»¹³.

Мотив «неверного света» иллюзий окружающего мира определяет интенцию главного героя обрести «иной её образ» (I, 47), которая пролонгируется в последующих романах. «Спящий товарищ» из бронепоезда «Дым» предвосхищает «свидетеля и участника» событий «Возвращения Будды», как и «призраки с обрубленными кистями» после прелюбодения с Клар, которые стали субстратом для дивинологии «Призрака Александра Вольфа» и «Возвращения Будды». Беседа с дядей Виталием о контингентности бытия вылилась в кармическую подоплёку романа «Полёт». Цикл в цикле – романы с тематизацией пути «История одного путешествия», «Ночные дороги», «Пилигримы» условно являются следствием ухода Николая из дома. Сама фамилия автобиографического героя Со-седов проецирует архитектуру двоимирия, двоичность стратегии повествования, неотъемлемую для всех текстов Г. Газданова. Отличие в том, что после «Вечера у Клар» нарратор уже вступил в «иное», трансцендентное, и стал безымянным. Соседство со «смертью» (у масонов, в обществе которых входил Г. Газданов, это – «любовь к смерти») в «Призраке Александра Вольфа» становится родственным «счастью» – «смерть и счастье суть понятия одного и того же порядка» (III, 106).

В первооснове эйдологической телеологии Г. Газданова лежит принцип полионтичности – множества существований в кругозорах главных героев. На субъектном уровне различные состояния объединены идеей достижения равновесия противоположных начал – гармония буддийских

«Золотых рыбок» (заглавие рассказа Александра Вольфа). Особенно показателен в этом смысле «Вечер у Клэр» в лице перволичного повествователя, озабоченного своей «душевной болезнью», которая в рассказе «Ход лучей» вызывает изоляцию персонажа-аналитика игры в бридж.

В дебютном романе «иной образ Клэр» коррелирует с «иным образом площади Согласия», как бы указывая на путь преодоления мнимых перегородок между людьми. «Сон о Клэр» в эротическом ключе предполагает активное начало «янь» как «путь в одном определённом направлении к женщине», в определении М. Горького (IV, 29). Эйдологический комплекс «Сон о Клэр» от протестической открытости первого романа с установкой на «иное» видоизменяется так, что концепт «сон», оставаясь сквозной темой, претерпевает эволюцию в плане коннотаций, а «Клэр» как элемент «инь», женское начало художественной картины мира Газданова, преобразуется и в наименованиях, и в смысловом плане. Если «Клэр» – обобщающий эйдос феминности, «Вечная женственность», то «Елена» в «Призраке Александра Вольфа» – неповторимая и несравненная. Автор, перед тем как его героям перейти к близости, обыгрывает следующую реакцию дамы на инициативу кавалера. У Клэр фраза «Вы с ума сошли», сказанная по-французски *mais vous êtes fou* (I, 41), – лишь кокетливый элемент куртуазной игры, а в сходной ситуации «Призрака Александра Вольфа» мы читаем комментарий, который гипертекстуально подтверждает присутствие «иного» в эволюции героини: «Я знал, что всякая женщина на ее месте должна была мне сказать одну и ту же фразу: – Вы с ума сошли.

Но она ее не сказала. Мне казалось, что я приближаюсь к ее лицу точно сквозь смертельный сон» (III, 56).

Феминная полусфера как истинный свет жизненного универсума в образе «Эвелины» в последнем романе Г. Газданова, этимологически производном от «Евы», эзотерической прародительницы человечества, создаёт утопию дружбы без насилия, без построения своего благополучия за счёт ближнего. В «Вечере у Клэр» герой сожалеет о том, что в его жизни нет дружбы: «слова “товарищ” и “друг” я понимал только теоретически» (I, 63). Последний роман, циклично откликаясь на этот посыл, в *ином* экзистансе демонстрирует человеческие отношения – в свете «площади Согласия». В контексте природного «происхождения и развития нравственности» следует интерпретировать и упоминание Николаем Соседовым П. Кропоткина (I, 121) как аргумент в споре с дядей Виталием о «нематериальной биологии» (I, 118). П. Кропоткин в своей «Этике», опираясь на полный вариант учения Ч. Дарвина, важнейшими инстинктами самосохранения называет «Взаимопомощь, Справедливость, Нравственность»¹⁴.

Архитектоника романов Г. Газданова следует принципу энантиодромичности. Уже в «Вечере у Клэр» герой, вынужденно отправляясь в сторону Запада в эмиграцию, в своём внутреннем движении следует на Восток. Соседову на корабле грезятся азиатские картины буддийских стран. В «Эвелине и её друзьях» герой концептирует эту разнонаправленность в построении «всякой литературной схемы»: «... всякая последовательность эпизодов или фактов в жизни одного человека или нескольких людей имеет чаще всего какой-то определенный и центральный момент, который далеко не всегда бывает расположен в начале действия – ни во времени, ни в пространстве ... главная его особенность состояла в том, что от него, если представить себе систему графического изображения, линии отходили и назад и вперед» (IV, 173–174). «Центральный момент» или доминанта циклизированного моделирования биографии в литературном продукте обретается в «движении души» (IV, 335), поскольку, как полагал М. Бахтин, «всё, даже мысль и чувство есть мой поступок»¹⁵.

При этом «письмо эмоций»¹⁶, по определению И. Яндль, в творчестве Г. Газданова детерминирует и сюжетность текста, и художественную тематику, и внутреннее становление героя. Исключение составляет «Ночные дороги», не вписывающийся в ирреалистическую, двоёмирную, вечернюю атмосферу эйдологического комплекса. М. Рубинс даже выводит этот роман за пределы основного (гуманистического) русла русской литературы: «“Ночные дороги” остаются уникальной книгой, отличной от всего, что Газданов написал до или после. Как и гоголевское творчество (в газдановской интерпретации), “Ночные дороги” отличаются от русской традиции не столько обилием “отрицательных” персонажей, сколько отсутствием намека на альтернативу, на возможность духовного преобразования»¹⁷.

Соседов, в отличие от героев Ф. Достоевского, стремится к обособлению от жестокой реальности. Он противостоит идеям зла через призму «иного». «Как в корпусе, так и в гимназии, куда я потом поступил, – меня смущало количество моих одноклассников. Я не знал, как мне относиться ко всем этим стриженным мальчикам ... Я боялся потеряться в этой толпе» (III, 73). И в эпизоде с миграцией крыс, и в поглощении тарантула муравейником Николая страшит обезличенная, машинерная безликость насилия, «эпидемии трихин», если использовать образ из сна Раскольникова, который трансформировался в «эпидемию сна» в «Пленнике» и в мотив борьбы со сном в ситуациях, чреватых насильственной смертью коллективного помешательства войны («Призрак Александра Вольфа», «Возвращение Будды»).

Сновидность автоматического существования героев в ракурсе сплошного насилия войны в рассказе «Пленник» доведена до нуминозно-

го предела. Мотив сна из идеи борьбы со сном как риске потерять жизнь на войне в «Призраке Александра Вольфа» трансформируется в буддистские коннотации смысла жизни в совершении добрых дел романа «Пробуждение». А в романе «Эвелина и её друзья» стереоскопия авторского невмешательства заключена в понятие «нирвана»: «У тебя в этом состоянии остаётся самая ценная, по-моему, возможность, которая дана человеку, – созерцание. Ты видишь жизнь, которая проходит перед тобой, но не принимаешь в ней участия» (IV, 94).

Ещё одним принципом в эйдологическом уплощении «иноного образа» реальности, её сокрытой сущности предстаёт мотив перевёрнутости мира, который в «Ходе лучей» в пародийной травестии «нелепого физического закона» зрительного восприятия мира доводится до абсурда сюрреалистическим «глазом короля пик», преследующим, в отличие от гоголевского «Носа», своего хозяина. Этот глаз карнавалом пародирует и «всевидящее око» бога, и отсылает к зазеркальным головоломкам «Алисы в Стране Чудес» Л. Кэрролла. Разбитая выстрелом ваза в финале «Призрака Александра Вольфа» образует переключку с выстрелом «в глаз, который после этого разлетелся на мелкие кусочки» (IV, 475) в «Ходе лучей».

Миссия писателя как следствие достижения нирваны, следующая за практической работой по спасению ближнего («Пробуждение»), выводит героя за пределы циклического целого в виталистическую избыточность и незавершённость мира. В этом плане закономерна незаконченность романа «Переворот» как предостережение всему несовершенному становящемуся миру, рискующему «недовоплотиться».

Подводя итог, отметим следующее.

Был выявлен ведущий принцип развития метаповествования – циклизация, которая обусловлена наличием поверхтекстовых доминант. Из энигматической формулы «сон о Клэр» оба компонента пролонгируются в метароманном корпусе. Каждый отдельный роман манифестирует стадиальную смену существований на спирали преодоления круга сансары или «вечного возвращения» до ступени пробуждения-просветления-нирваны.

Имплицитная организация метанаррации энантиодромична, что проявляется в парадоксальности и загадочности стиля, с перетеканием доминант, генерализующих повествование. Ключевыми доминантами являются «иное» и вариативная репрезентация «сна». Клэр отличалась «законченным телом» и способностью «оставаться собой» (I, 47) при текучей идентичности её психологической репрезентации: «...принимала формы разных женщин и становилась похожей то на леди Гамильтон, то на фею Раутенделейн» (I, 92). «Иной образ» Клэр – цельность душевная, а не телесная – в переходе на новый уровень мировосприятия героя выглядит

как целительство и альтруизм в «Пробуждении» и как труд писателя в «Эвелине и её друзьях». И то, и другое в эйдологическом освещении предстают метафорой «перерождения» (I, 126).

Также немаловажную роль в контексте «всеединства» играет принцип полионтичности системы образов, заявленный в финале «Вечера у Клэр» контаминацией темы любви и «площади Согласия» (I, 160). Установка на «иное» в социуме и в отношениях героя и героини в последующих текстах будет принимать различные конфигурации, не обязательно позитивные. Тем не менее, беспросветное парижское дно «Ночных дорог», неизбежность насильственной смерти в «Призраке Александра Вольфа» и перевёрнутый кошмар «Хода лучей» аннигилируются умиротворённостью последних романов писателя, в полной мере олицетворяющих утопическую инаковость тупиковому положению вещей в объективной реальности.

Примечания

- 1 Александрова Э. Романы Гайто Газданова 1920–1930-х гг. (Проблемы историко-литературного комментария) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2010. С. 7.
- 2 См.: Кибальник С. Человек на войне : Гайто Газданов, Лев Толстой, Фёдор Достоевский (о романе «Вечер у Клэр») // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2011. Т. 70, № 6. С. 17–23.
- 3 Проскурина Е. Романы Гайто Газданова как крупная циклическая форма // Нарративные традиции славянских культур. Повествовательные формы Средневековья и Нового времени : сб. науч. тр. / Российская акад. наук, Сибирское отделение, Ин-т филологии ; отв. ред.: Е. К. Ромодановская, И. В. Силантьев. Новосибирск : Изд-во Института филологии СО РАН, 2009. С. 283.
- 4 См.: Юрьева О. Художественная эманация идей и образов Ф. М. Достоевского в русской литературе начала XX века : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2003.
- 5 Юрьева О. Учение об идее Ф. М. Достоевского и эйдологический статус символики в русской литературе начала XX столетия // Казанская наука. 2019. № 3. С. 25.
- 6 Иванов Е. Нуминозное в прозе Г. Газданова // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2021. № 1. С. 57.
- 7 Достоевский Ф. Полн. собр. соч. : в 30 т. Л. : Наука, 1972–1990. Т. 24. С. 51.
- 8 Лейтон Л. Эзотерическая традиция в русской романтической литературе : Декабризм и масонство. СПб. : Академический проект, 1995. С. 9.
- 9 Газданов Г. Собр. соч. : в 5 т. М. : Эллис Лак, 2009. Т. 3. С. 27. В дальнейшем все произведения Г. Газданова приводятся в тексте по этому изданию с указанием в скобках тома римскими и страницы арабскими цифрами.
- 10 Ханзен-Леве А. Русский символизм : Система поэтических мотивов : Мифопоэтический символизм начала века : Космическая символика / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб. : Академический проект, 2003. С. 99. (Современная западная русистика).

- ¹¹ *Иванов Е.* Сон в прозе Гайто Газданова как анарративная стратегия // Сюжетология и сюжетография. 2020. № 1. С. 171.
- ¹² *Бахтин М.* Человек в мире слова. М. : Изд-во Рос. открытого ун-та, 1995. С. 26.
- ¹³ *Циолковский К.* Очерки о Вселенной. Калуга : Золотая аллея, 2001. С. 13.
- ¹⁴ *Кропоткин П.* Этика. Происхождение и развитие нравственности. М. : Политиздат, 1991. С. 260.
- ¹⁵ *Бахтин М.* Указ. соч. С. 26.
- ¹⁶ *Jandl I.* Textimmanente Wahrnehmung bei Gajto Gazdanov : Wahrnehmung bei Gajto Gazdanov : Sinne und Emotionen als motivische und strukturelle Schnittstelle zwischen Subjekt und Weltbild. Berlin : Peter Lang GmbH, 2019. S. 7.
- ¹⁷ *Рубинс М.* Русский Монпарнас. Парижская проза 1920–1930-х годов в контексте транснационального модернизма. М. : Новое литературное обозрение, 2017. С. 189.

Поступила в редакцию 15.02.2021, после рецензирования 04.05.2021, принята к публикации 12.05.2021
Received 15.02.2021, revised 04.05.2021, accepted 12.05.2021